

Виктория Александровна МиллерОмский автобронетанковый инженерный институт, старший преподаватель кафедры русского языка, Омск, Россия
e-mail: miu.miu.miller@yandex.ru**Эмоционально-оценочная лексика в актуальном лексиконе молодежи:
экспериментальное исследование**

Аннотация. В статье представлены результаты направленного ассоциативного эксперимента, проведенного с учащимися старших классов общеобразовательной школы, студентами и курсантами омских вузов. Цель исследования — выявление эмоционально-оценочной лексики, которую молодежь считает наиболее употребительной и адекватной для оценки человека, его физических, психологических и моральных качеств.

Анализ экспериментального материала позволил сделать выводы о минимальном различии в наборе лексики для людей одной возрастной группы; о влиянии профессионального и гендерного фактора на использование эмоционально-оценочной лексики; об аксиологическом статусе лексем, который носит субъективный характер.

Ключевые слова: эмоция, оценка, ассоциативный эксперимент, эмоционально-оценочная лексика.

Victoria A. MillerOmsk Tank-Automotive Engineering Institute, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Omsk, Russia
e-mail: miu.miu.miller@yandex.ru**Emotional-Evaluative Vocabulary in the Current Lexicon of Youth: An Experimental Study**

Abstract. The article presents the results of a directed associative experiment conducted with senior pupils, students and cadets of Omsk universities. The purpose of the study is to identify the emotional and evaluative vocabulary that young people consider the most common and adequate for evaluating a person, his physical, psychological and moral qualities.

The analysis of the experimental materials allowed drawing a conclusion about the minimum difference in vocabulary for people of the same age group; the influence of professional and gender factors on the use of emotional and evaluative vocabulary; the axiological status of lexemes, which are subjective.

Keywords: emotion, evaluation, associative experiment, emotional-evaluative vocabulary.

Введение (Introduction)

Вопрос об идентификации эмоционально-оценочной лексики привлекает внимание современных лингвистов, что свидетельствует о том, что оценка и эмоция остаются популярными объектами исследования в семасиологии, лингвопрагматике, лингвоаксиологии и теории речевых актов. В рамках антропоцентрического подхода, утвердившего свое положение в лингвистике, особое внимание уделяется эмоциональной сфере человека, что и побуждает исследователей обращаться к описанию лексики, включающей в себя и оценочный, и эмоциональный компоненты.

Отметим, что для обозначения интересующего нас пласта лексики в работах исследователей используются термины «эмоциональная лексика», «экспрессивная лексика», «эмоционально-оценочная лексика», «эмоционально-экспрессивная лексика», «эмотивная лексика», «экспрессивно-оценочная лексика», «эмоционально-окрашенная лексика» и т. д.

В лингвистике нет единого взгляда на соотношение эмоциональности, оценочности и экспрессивности. Так, часть исследователей (Е. М. Галкина-Федорук [1], В. К. Харченко

[2] и др.) в своих работах выделяют узкие понятия «эмоциональность», «оценочность», «экспрессивность», «образность» и определяют те признаки, по которым можно разграничить данные категории. Е. А. Ставцева пишет, что схематически это «можно изобразить по принципу пересекающихся кругов, в общей точке которых находятся слова, совмещающие в себе и оценочный, и эмоциональный, и экспрессивный компоненты» [3, с. 12].

Часть лингвистов (Е. Ф. Петрищева [4] и др.) подходит к решению данного вопроса шире: все перечисленные выше признаки объединяют широким понятием «эмоциональная окрашенность слова».

И. А. Стернин [5], Е. М. Вольф [6] и др. отмечают связь эмоциональности и оценки в языке, но в своих исследованиях приоритет отдают оценке.

В данном исследовании мы используем термин «эмоционально-оценочная лексика» (далее — ЭОЛ) и вслед за Н. А. Лукьяновой определяем ее как лексику, имеющую способность «актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность

данного предмета на фоне одноименных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего» [7, с. 86].

В центре данной работы — исследование эмоционально-оценочной лексики, которую молодежь (люди в возрасте от 16 до 22 лет) считает наиболее употребительной и адекватной для оценки человека, его физических, психологических и моральных качеств.

Категория испытуемых и их возраст были выбраны нами неслучайно. Как отметил Ю. Н. Караулов в предисловии к «Ассоциативному тезаурусу современного русского языка», выбор такой возрастной группы имеет определенный смысл: «...К указанному возрасту становление языковой личности завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента. <...> Исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, т. е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять ядро активное, ядро общества» [8, с. 191].

Методы (Methods)

При проведении экспериментального исследования мы использовали комплекс методов: направленный цепочечный ассоциативный эксперимент; анкетирование и интервьюирование информантов.

Направленный ассоциативный эксперимент как метод изучения ЭОЛ был выбран нами в связи с тем, что он выступает одним из наиболее надежных и эффективных методов, обеспечивающих доступ к изучению сознания человека. Испытуемый во время проведения такого эксперимента — это субъект, который, будучи носителем языка, одновременно является и «экспертом» в области его употребления, и при этом косвенно сообщает экспериментатору информацию о продукте своего языкового сознания.

Широкие возможности использования ассоциативного эксперимента обусловлены, прежде всего, тем, что он обеспечивает доступ к информационной базе человека [9] и позволяет наблюдать процессы естественного выстраивания отношений между объектом, понятием и языковым знаком [10]. В отечественной психолингвистике ассоциативный эксперимент используется как способ изучения содержания языкового сознания, поскольку данные, сформированные из реакций испытуемых, указывают «на содержание, входящее в национальный ментальный образ конкретного культурного предмета» [11, с. 142].

Анкетирование позволило нам получить множественный эмпирический материал на основе личной речевой деятельности информантов и уточнить значения эмоционально-оценочной лексики. Анкеты заполнялись информантами анонимно, но респонденты обязательно отмечали пол, образование, учебное заведение, в котором они обучаются, и указывали специальность. Заполнение анкет производилось без предварительной подготовки, без влияния экспериментатора, однако отметим, что результаты, полученные нами в ходе анкетирования, нельзя считать полностью объективными, так как часть информантов (это особенно характерно для курсантской среды, в которой проводилась часть эксперимента) признались, что «не хотели выглядеть глупо/тупо», «не хотели

подвести товарищей и командира». Поэтому для проверки адекватности полученных данных дополнительно был использован метод интервьюирования. Беседы проводились в небольших группах по 3–5 человек. Информанты в группах были одного возраста и пола; находились в приятельских отношениях и добровольно дали согласие на беседу. Всего было проведено 15 бесед-интервью.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Экспериментальный материал. В ходе эксперимента информанты получили следующее задание: «Подумайте и постарайтесь как можно быстрее записать слова, которые вы используете для отрицательной и/или положительной оценки человека».

Таким образом, у информанта возникала необходимость предпринять следующие действия:

- мысленно воспроизвести ситуацию, в которой уместно будет использовать ту или иную ЭОЛ, служащую для оценки человека;
- вербализовать полученный ментальный образ во внутренней речи;
- дать письменный ответ.

Отметим тот факт, что мы не ограничивали наших испытуемых лексическими или стилистическими параметрами. Это было сделано для того, чтобы не вмешиваться в процесс ассоциирования и не мешать сознанию реципиентов выполнить заданную установку.

Информанты. В эксперименте приняли участие три группы информантов: а) *группа I* — курсанты 1-го курса Омского автобронетанкового инженерного института (100 юношей 17–19 лет); б) *группа II* — студенты 2-го и 3-го курсов Омского государственного университета путей сообщения (50 юношей и 50 девушек 18–20 лет); в) *группа III* — учащиеся 10–11-х классов (50 юношей и 50 девушек 15–17 лет).

Место проведения эксперимента. Эксперимент проводился в Омском автобронетанковом инженерном институте (ОАБИИ), в Омском государственном университете путей сообщения (ОмГУПС) и в бюджетном общеобразовательном учреждении г. Омска «Лицей “Бизнес и информационные технологии”» (БИТ).

Процедура выполнения эксперимента. Эксперимент проводился в вышеуказанных группах в письменной форме в первую половину рабочего дня. Сроки проведения эксперимента в группе I: с 15 сентября по 20 октября 2021 г.; в группе II — с 18 ноября по 21 ноября 2021 г.; в группе III — с 22 октября по 12 ноября 2021 г.

Письменные анкеты предлагались участникам, объединенным в группы по 15–25 человек (для групп I и III) или в группы по 6–10 человек (для группы II). Далее после небольшого вступительного слова экспериментатора респондентам предлагалось заполнить следующие графы: пол, возраст, место учебы/работы, специальность (для студентов и курсантов); указать дату заполнения анкеты, внимательно прочитать задание, задать вопросы, если таковые есть. Когда группа продемонстрировала понимание и готовность приступить к выполнению задания, экспериментатор предлагал информантам начать заполнение анкеты.

Время выполнения: 5–7 мин. (необходимо было сократить латентный период, исключить списывание и подсказки).

Обработка и анализ полученных данных. В ходе эксперимента нами было получено 300 анкет. После обработки полученных анкет данные сводились в список по каждой из групп, затем сопоставлялись.

В результате эксперимента были получены следующие количественные данные. Студенты ОмГУПС написали 161 слово с пометой «минус», 41 слово с пометой «плюс»; курсанты ОАБИИ — 172 слова и 36 слов соответственно, учащиеся БИТ написали 140 слов с отрицательной оценкой и 34 слова — с положительной. Лексика, указанная информантами как отрицательная, в количественном соотношении превышает объем

слов положительной оценки в 4 раза, что согласуется с положениями, выработанными в лингвистике [7; 12; 13].

После подсчета и анализа лексики были выбраны 15 наиболее частотных слов в каждой группе. В таблице 1 представлены наиболее частотные слова, полученные в группе I, в таблице 2 — результаты группы II, в таблице 3 — результаты группы III. Таблицы состоят из шести столбцов. В 1-м и 4-м столбцах находятся слова, которые были получены от информантов и квалифицированы ими как отрицательные или положительные. Столбцы два и пять показывают, сколько человек указали данное слово. Столбцы три и шесть позволяют увидеть процент использования конкретного слова от общего количества всех слов с отрицательной/положительной оценкой.

Таблица 1

Результаты анкетирования группы I

Отрицательная оценка	Абсолютная частота встречаемости слова в анкетах респондентов	% использования	Положительная оценка	Абсолютная частота встречаемости слова в анкетах респондентов	% использования
камень	84	48,8	мужик	83	90,2
слон	73	42,4	котенок	75	81,0
лох	71	41,2	молодец	75	81,0
олень	71	41,2	ловкач	66	70,7
глобус	70	40,6	красава	63	71,7
балбес	69	40,1	друг	61	65,2
косяк	69	40,1	отличник	61	65,2
предатель	68	39,5	стратег	59	64,1
стукач	68	39,5	любимка	54	58,6
тормоз	58	33,7	орел	53	57,6
индивид	57	33,1	бро	41	44,5
неадекват	57	33,1	друган	31	33,6
нарушитель	56	32,5	молодчик	29	31,5
животное	55	31,9	гений	28	30,4
халявщик	53	30,8	мужчина	28	30,4

Таблица 2

Результаты анкетирования группы II

Отрицательная оценка	Абсолютная частота встречаемости слова в анкетах респондентов	% использования	Положительная оценка	Абсолютная частота встречаемости слова в анкетах респондентов	% использования
баран	89	55,2	красавчик	87	92,5
ЧСВ / человек с ЧСВ	88	54,6	солнышко	81	86,1
дурак	83	51,5	молодец	72	76,5
придурок	67	41,6	котенок	71	75,5
грубиян	62	38,5	краш	66	70,2
жадина	61	37,8	ангел	66	70,2
олух	55	34,1	пушка	65	69,1
редиска	54	33,5	гений	63	67
олень	48	29,8	мозг	62	65,9
лошара	47	29,1	прохиндей	51	54,2
даун	44	27,3	положительный персонаж	41	43,6
яжмать	40	24,8	найсмен	39	41,4
урод	38	23,6	чемпион	38	40,4
порридж	35	21,7	нереалка	38	40,4
ТП	34	21,1	куколка	37	39,3

Результаты анкетирования группы III

Отрицательная оценка	Абсолютная частота встречаемости слова в анкетах респондентов	% использования	Положительная оценка	Абсолютная частота встречаемости слова в анкетах респондентов	% использования
Олег	91	65	красава	86	91,4
дед инсайд	90	64,2	принцесса	75	79,7
Кан Канеки	88	62,8	госпожа	75	79,7
хамло	88	62,8	любимка	74	78,7
быдло	77	55	молодчик	71	75,5
крестьянин	75	53,5	красавчик	70	74,4
душнила	75	53,5	солнце	69	73,4
садист	64	45,7	умница	68	72,3
токсик	64	45,7	котенок	67	71,2
лунтик	54	38,5	пирожочек	49	52,1
пусибой	53	37,8	мама	46	48,9
пень	52	37,1	медвежонок	45	47,8
терпила	50	35,7	малышка	44	46,8
личинка	39	27,8	милашка	33	35,1
бабка инсайд	38	27,1	печенюшка	32	34

Были рассмотрены лексикографические описания полученных слов. Для этого значения слов и их стилистическая принадлежность были уточнены по толковым словарям русского языка и словарям жаргона. В группах I и III преобладают слова с отрицательной оценкой, зафиксированные в «Большом словаре русского жаргона» с пометами «мол.», «угол.», «жрр.», «бран.», «вулгар.» (*косяк, лох, мудака, утырок, форшмак, олень, упырь, чмошник, неувязок*). Слова с подобными стилистическими пометами занимают 63 % от общего числа всех записанных слов. В группе II преобладают слова, которые зафиксированы в толковых словарях с пометами «разг.», «прост.» (*осел, подлец, овца, кукушка, курица, зараза*) [14; 15].

Одна из задач данного исследования — рассмотрение профессиональных и гендерных особенностей, влияющих на результаты анкетирования. Мы обратили внимание на влияние будущей специальности и рода деятельности информантов. Так, курсанты ОАБИИ отмечали в анкетах слова, указывающие на качества, которые ценятся или осуждаются в среде военных (*слон, нарушитель, предатель, халевщик, слабак/отличник, мастер, орел*). В группах II и III данные слова зафиксированы не были.

Были выявлены гендерные особенности набора слов в количественном соотношении. Так, и студенты, и курсанты в столбец со знаком «минус» записывали 7–8 слов, девушки — 5–6 слов; в столбец со знаком «плюс» юноши записывали 2–3 слова, девушки — 4–5. Для слов, которые девушки указали в качестве отрицательной лексики, характерно преобладание слов женского рода (*курица, овца, уродина, килька, лягушка, мамка, хамка, жаба, крыса, коза, дура, фемка, феминистка, мышь, серость, гадость*). В анкетах юношей преобладают слова мужского рода. Характерная особенность анкет девушек — использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*няшка, няшечка,*

симпапулечка, симпатюлька, амазонушка, котик, дурочка, солнышко, пирожочек, печенюшка, вкусняшка, лапочка, милашка, клюковка, котейка, медвежонок, еушка, крашик). Юноши слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами практически не использовали (*искл. братишка, котенок, любимка*).

ЭОЛ, полученная нами в результате эксперимента, может быть разделена на несколько тематических групп:

- 1) характеристика морально-этических качеств человека (*паразит, трутень, лентяй, жадина, жмот, балабол, халевщик, косяк, позер, подлец, токсик*);
- 2) характеристика физических свойств человека:
 - роста (*клоп, слоняра, лось, дрын, шпала, малышка*),
 - комплекции (*кабан, боров, глист, дрищ, скелет, задохлик, хонурик, селедка, кобыла, худышка*),
 - физической силы (*слабак, хляк, дохляк, слабое звено, овощ*),
 - внешности (*урод, уродина, страшила, страхолюдина, очкарик, слепошара, циклоп, красавица, красавелла, красавчик, симпапулечка*),
 - возраста (*личинус, личинка, малявка, старуха, песок, дед, пенс*);
- 3) характеристика интеллектуальных свойств человека (*дурак, болван, балда, дуб, недоумок, осел, бревно, тупица, идиот, дегенерат, debil, даун, камень, глобус*).

В ходе эксперимента было выявлено несколько слов, которые использовались исключительно внутри групп информантов и оказались незнакомыми или непопулярными в других группах. Так, в группе I частотными были слова *камень* (употребляется в значении «медленный человек», «тот, кто постоянно тормозит других») и *глобус* (употребляется в значении «глупый, недалекий военный»). Во время беседы курсанты объяснили, что они используют данные слова в речи регулярно и слышали их в институте от стар-

шекурсников. Студентам ОмГУПС и школьникам данные слова оказались незнакомы, что позволяет говорить об их локальном употреблении.

В группе II частотными оказались слова *яжмать/яжмака* (употребляется в значении «девушка, родившая ребенка, не желающая работать и считающая, что ей все должны, агрессивная и бестактная») и *порридж* (употребляется в значении «ребенок или подросток, бездумно следующий трендам»). Информанты отметили, что часто сталкиваются с данными категориями лиц на улице и в транспорте и поэтому, когда услышали от своих знакомых или увидели в интернете данную ЭОЛ, стали использовать ее в речи. Респонденты группы I и III подчеркнули, что слово *яжмать* им знакомо, но они его не считают актуальным и не используют в речи. Слово *порридж* курсанты и школьники не знали.

Респонденты группы III указывали отрицательные оценочные слова, которые не были зафиксированы в группе I и II (*дэд инсайд / дэд инсайд, бабка инсайд, Кан Канеки, евафаг, гуль / омский гуль*). При проведении дополнительного анкетирования и во время бесед со школьниками выяснилось, что данные слова попали в язык информантов из-за их частотности в интернет-чатах и группах, посвященных аниме. Так, слова *гуль, Кан Канеки* и фраза *Дед Инсайд* — транслитерация английского выражения *Dead Inside* («мертвый внутри») — получили свое распространение в среде игроков Dota 2, любящих аниме-сериал «Токийский гуль». Данную категорию лиц школьники описывают как людей, которые «презрительно относятся к окружающим», «ведут себя высокомерно и заносчиво», «говорят о собственной исключительности, но ничего из себя не представляют», «часто называют себя гулями, как Кан Канеки в аниме». Школьники отметили, что часто встречают таких людей в интернете и в школе, их поведение осуждают, создают мемы, высмеивающие представителей данной субкультуры. Курсанты и студенты отметили, что данные слова в своей речи не используют.

Кроме существительных, респонденты записывали имена прилагательные, которые они используют для оценки человека, что дало нам возможность рассмотреть слова еще одной части речи. Курсанты записали 96 прилагательных с положительной оценкой и 103 с отрицательной, студенты ОмГУПС — 20 с положительной и 47 с отрицательной, школьники — 59 с положительной и 45 с отрицательной оценкой. При анализе нами был выявлен незначительный процент прилагательных, которые представлены в словарях с пометами «жрр.», «угол.», «мол.» (*сасный, крашный, прошаренный, ништяковский, здоровый, няшный, хайповый, охрененный, крутой/кринжевый, фиговый, убогий, неадекватный, трешовый, быдловатый, опущенный, левый, конченый*). Данные слова занимают 6 % от всех записанных прилагательных. На прилагательные, которые не имеют помет в словарях, приходится 94 % (*безжалостный, злой, нервный, ужасный, некрасивый, опасный, завистливый, корыстный, глупый, двуличный, несчастный, некультурный, невоспитанный/изумительный, красивый, добрый, великолепный, прекрасный, замечательный, отличный, хороший, симпатичный, красивый, приветливый*); они общепотребительны, нейтральны: оценка в этих словах

заложена в денотативном компоненте. Это слова так называемой «объективной оценки»: «Они называют определенное свойство, признак (положительный или отрицательный с точки зрения данного коллектива); актуализируемая ими оценка является рациональной, логической и «фиксируется» в качестве семы денотативной семантики» [7, с. 16].

Заключение (Conclusion)

В результате эксперимента был получен список слов, которые молодежь считает актуальными и использует для оценки человека, его физических, психологических и моральных качеств.

Проанализировав полученный материал, мы пришли к следующим выводам:

1. Разница в наборе слов в группах минимальна и составляет 15 %, т. е. для людей одной возрастной категории характерна примерно одна и та же эмоционально-оценочная лексика, социальный фактор в данном случае нерепрезентативен.

2. Прослеживается прямая зависимость лексического набора от профессиональной составляющей, так как в группе I присутствуют слова, указывающие на качества, одобряемые/осуждаемые в среде военных, что подтверждает выводы исследователей корпоративной культуры, в частности К. В. Битюцких [16].

3. Анализ полученных анкет показал наличие гендерных различий:

а) у девушек превалирует лексика с положительной оценкой (59 % от общего количества записанных слов), у молодых людей преобладает лексика с негативной оценкой (85 % от общего количества записанных слов);

б) для девушек характерно использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Среди лексики с негативной оценкой данные слова занимают 12 % от общего количества всех слов, среди лексики с положительной оценкой — 79 %. У юношей слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами составляют незначительный процент (0,9 % от всех слов);

в) для юношей характерно использование слов мужского рода для выражения и положительной, и отрицательной оценки (98 %); у девушек и женщин превалируют слова женского рода (79 % в лексике с негативной оценкой, 87 % — в положительной).

4. Необходимо отметить, что во время эксперимента были выявлены лексемы, которые респонденты относили и к категории слов, имеющих отрицательную оценку, и к категории слов с положительной оценкой: *гений, дурочка, соня, звезда, бэдбой, чума, пес, телочка, пупсик, фемка, кабачок, баклажан*. Думается, что участники эксперимента подчеркивали актуальную для них оценку слова, так как «называние и понимание всегда связаны с переживанием именованного или идентифицируемого» [16, с. 50], и «...слово... имеет эмоционально-оценочный компонент, характеризованный семантической диффузностью и собственной многозначностью, которая разрешается только в конкретном контексте» [12, с. 109]. Аксиологический статус лексем в данном случае будет носить субъективный характер: использование слова в одной ситуации будет

продиктовано иронией, шуткой или одобрением, в другой — носитель языка через слово выразит презрение и осуждение.

Ассоциативный эксперимент, анкетирование, интервьюирование позволяют не только услышать и зафиксировать слова, входящие в актуальный лексикон испытуемых, но

и «вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертоны»» [17, с. 15], а также открывает дальнейшие перспективы для исследования динамических процессов, происходящих в языковом сознании и речи носителей языка.

Библиографический список

1. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию / под общ. ред. А. К. Ефимова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 103–124.
2. Харченко В. К. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвостилистики // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации. Орджоникидзе : Сев.-Осет. книж. изд-во, 1983. С. 38–40.
3. Ставцева Е. А. Формирование эмоционально-оценочной лексики у детей старшего дошкольного возраста : дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 198 с.
4. Петрищева Е. Ф. Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени // Развитие лексики современного русского языка. М. : Наука, 1965. С. 51–74.
5. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
7. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск : [б. и.], 1976. Вып. 5. С. 3–21.
8. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М. : Ин-т рус. яз., 1994. 223 с.
9. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.
10. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учеб. 2-е изд. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 559 с.
11. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира : [сб. науч. ст.]. М. : Ин-т языкознания Рос. акад. наук, 2000. С. 142–143.
12. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. [Б. м.] : Palmarium Academic Publishing, 2013. 267 с.
13. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 106 с.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.
15. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ : Астрель, 2006. Т. 1. 1165 с. Т. 2. 1160 с. Т. 3. 973 с.
16. Битюцких К. В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015. 338 с.
17. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1977. С. 5–16.

References

- Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo yazyka [Associative Thesaurus of the Modern Russian Language]** (1994) Moscow, Institut russkogo yazyka Publ., 223 p. (in Russian)
- Bityutskikh K. V. (2015) *Otrazhenie korporativnoi kul'tury voennykh v yazykovom soznanii kursantov [Reflection of the Corporate Culture of the Military in the Linguistic Consciousness of Cadets]**, Cand. philol. sci. diss. Chelyabinsk, 338 p. (in Russian)
- Efremova T. F. (2006) *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]**. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., vol. 1, 1165 p., vol. 2, 1160 p., vol. 3, 973 p. (in Russian)
- Galkina-Fedoruk E. M. (1958) *Ob ehkspressivnosti i ehmotSIONal'nosti v yazyke [On Expressiveness and Emotionality in Language]**, Efimov A. K. (ed.) *Sbornik statei po yazykoznaniiu [Collection of Articles on Linguistics]**. Moscow, Moskovskii universitet Publ., pp. 103–124. (in Russian)
- Kharchenko V. K. (1983) *Ehkspressivnost', ehmotSIONal'nost', otsenochnost' i obraznost' kak kategorii lingvistilistiki [Expressiveness, Emotionality, Evaluation and Imagery As Categories of Linguistic Stylistics]**, *Stili yazyka i stili rechi kak yavlenie funktsional'no-rechevoi differentsiatsii [Styles of Language and Styles of Speech As a Phenomenon of Functional Speech Differentiation]**. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe Publ., pp. 38–40. (in Russian)
- Kuznetsov S. A. (ed.) (2008) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]**. Saint Petersburg, Norint Publ., 1536 p. (in Russian)
- Leont'ev A. A. (1977) *Obshchie svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh [General Information About Associations and Association Norms]**, Leont'ev A. A. (ed.) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]**. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova Publ., pp. 5–16. (in Russian)

- Luk'yanova N. A. (1976) O sootnoshenii ponyatii ehkspressivnost', ehmtsional'nost', otsenochnost' [On the Relationship Between the Concepts of Expressiveness, Emotionality, Appraisal]*, *Timofeev K. A. (ed.) Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya [Actual Problems of Lexicology and Word Formation]**. Novosibirsk, issue 5, pp. 3–21. (in Russian)
- Matveeva T. V. (2013) *Ehkspressivnost' russkogo slova [Expressiveness of the Russian Word]**. Palmarium Academic Publishing, 267 p. (in Russian)
- Myagkova E. Yu. (1990) *Ehmotsional'naya nagruzka slova: opyt psikholingvisticheskogo issledovaniya [Emotional Load of the Word: The Experience of Psycholinguistic Research]**. Voronezh, Voronezhskii universitet Publ., 106 p. (in Russian)
- Petrishcheva E. F. (1965) Izmneniya v sostave intellektual'no-otsenochnoi leksiki v russkom yazyke sovetskogo vremeni [Changes in the Composition of Intellectual and Evaluative Vocabulary in the Russian Language of the Soviet Era]*, *Razvitie leksiki sovremenogo russkogo yazyka [The Development of the Vocabulary of the Modern Russian Language]**. Moscow, Nauka Publ., pp. 51–74. (in Russian)
- Stavtseva E. A. (2002) *Formirovanie ehmtsional'no-otsenochnoi leksiki u detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Formation of Emotional-Evaluative Vocabulary in Children of Senior Preschool Age]**, Cand. ped. sci. diss. Moscow, 198 p. (in Russian)
- Sternin I. A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical Meaning of a Word in Speech]**. Voronezh, Voronezhskii universitet Publ., 170 p. (in Russian)
- Ufimtseva N. V. (2000) Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Linguistic Consciousness and the Image of the World of the Slavs]*, *Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic Consciousness and the Image of the World]**. Moscow, Institut yazykoznaniiya Rossiiskoi akademii nauk Publ., pp. 142–143. (in Russian)
- Vol'f E. M. (1985) *Funktional'naya semantika otsenki [Functional Evaluation Semantics]**. Moscow, Nauka Publ., 228 p. (in Russian)
- Zalevskaya A. A. (1977) *Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka [Problems of Organization of the Human Internal Lexicon]**. Kalinin, Kalininskii gosudarstvennyi universitet Publ., 83 p. (in Russian)
- Zalevskaya A. A. (2007) *Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]**. 2nd ed. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 559 p. (in Russian)

*Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.